

М. ЛАТАРЦЕВА

**ЧТО-ТО ПОШЛО
НЕ ТАК
ПОСЛЕСЛОВИЕ**

18+

Мария Латарцева

Что-то пошло не так. Послесловие

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Латарцева М.

Что-то пошло не так. Послесловие / М. Латарцева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

После того, как во время обстрела осколок седого тополя пронзил стену больничной палаты, тени прошлого настолько тесно переплелись с настоящим, что Богдану все чаще казалось, будто жизнь его переместилась в ночное время суток. Постепенно сны и видения вытеснили из сознания чувство реальности, оставалось только гадать – они пытаются сжить его со свету или предупредить о поджидающей опасности?

Грузный колокол.
А на самом его краю
Дремлет бабочка.
Ёса Бусон

...Размеренно наматывая на руку почти невесомую нить, клоун из циркового плаката пристально всматривается Богдану в глаза, словно пытается увидеть в них боль и страдание. Тонкое прозрачное волокно нервов ритмично складывается от ладони и до локтя... От ладони – и до локтя... Ровным слоем... Нитка за ниткой... Мучительно вытягивает из тела остатки жизни и души.

Богдан из последних сил старается выдержать испытание, отчаянно делает вид, что ему не больно, что его не пугает происходящее, но чувствует, как с каждым новым витком невыносимая боль рвёт на куски его раздетое нутро, лишённое возможности сопротивляться. Он с ужасом понимает, что силы уже на пределе, и участь его решена.

Но первым сдаётся клоун. Разочарованный отсутствием реакции на свои манипуляции, он бесстрастно прекращает тянуть из несчастного жилы, потом, мгновенье хладнокровно поразмыслив, и вовсе уходит, исчезая частями – сначала голова с неподвижной ленивой улыбкой, короткая бабочка-шея в ядовито-фиолетовый горошек, правая рука... Постепенно исчезает туловище. Дольше всего задерживается в воздухе левая рука с намотанными на неё нитями полуживого естества. Наконец дрожащая пуповина, связывающая палача и жертву, натягивается до предела и с резким звуком лопают.

В глазах Богдана меркнет свет, потом он ощущает на своём лице холодные мокрые брызги, слышит явственный вздох облегчения и удивлённый голос:

–...Бр-р-р! Живой? Взаправду живой?! Ну, ты, пацан, даёшь! Почему в воду не прыгал, когда лодка вверх бортом ушла? Чего раздумывал? Твои приятели с ходу рванули, как только ваша посуда крен дала. В момент рассосались, будто не было. С такими водиться – себя не уважать, так что подумай, стоят ли они того – жидкие больно, с душком. Хотя... Хотя я тоже, каюсь, смалодушничал – почти не верил, что смогу тебя в реке найти – мутная она больно, тинистая. И течение вроде нормальное, и русло глубокое, а все равно чего-то не хватает. Здоровья у речки, что ли, нет?

Бестолково размахивая руками, лихорадочно повторяясь и глотая слова, соседский парень, которого в селе иначе, как блаженным, не называли, откровенно радуется его спасению. Несколько дней назад этого человека даже в армию не взяли, говорят, комиссовали, негодным к службе оказался, а он взял, да и спас его, Богдана, от верной гибели спас.

–...А ты силён, брат, мертвой хваткой за шею вцепился, ещё немного, и вдвоём пошли бы рыб кормить на дно, еле удержал. Пришлось тебя даже ударить чуток, чтобы отпустил, ты уж извини, коль что. Воды ты тоже не хило хлебнул. Да что там – хлебнул! По самую завязку нахлебался! Слава Богу, откачать удалось, – по-собачьи стряхивает с себя воду молодой человек.

– Не рассказывай маме, Иван, – еле вспомнил имя своего спасителя.

Почти до сумерек он скитался по берегу, придумывая, как будет дома объяснять произошедшее, потом бочком, чтобы не увидела мама, зашёл в дом, стянул с себя ещё сырую одежду, умылся, переоделся. В зеркале заметил внушительное темно-красное пятно чуть ниже лопатки, наверное, это и был след от удара, о котором говорил Иван. Спина в том месте даже не болела, просто немилосердно зудела, да так, что хотелось до крови расчесать ссадину, чтобы снять этот невыносимый зуд.

– Иди кушать, Богдан, – раздался из кухни невозмутимый голос матери. – Как раз в пору – ужин поспел.

Мама изучающе оглядывает его с ног до головы, после чего спокойно замечает:

– Слышала, сегодня ты чуть не утоп. Запомни – вода шуток не любит, в следующий раз постарайся быть поаккуратнее, сынок.

– Хорошо, мама, постараюсь, – отвечает он так же сдержанно, придвигая к себе тарелку молодой картошки, щедро посыпанной зеленью укропа, и запотевшую кружку холодного кислого молока...

Ещё переживая ночные сновидения и возвращаясь к событиям далёкого детства, он почувствовал запах больницы, потом уловил какую-то неестественную, почти неприличную тишину, лишённую обычных домашних звуков – не было слышно за окном дребезжащих трамваев, не сигналили привычно водители легковушек, не хлопала, закрываясь, дверь в соседний подъезд, не бежала вниз по трубам спущенная в туалете вода, и даже холодильник не ругался по поводу излишне заставленных полок на дверце. В доме царило полное молчание.

«Неужели Наталья с ночной смены вернулась, а я не услышал? Интересно, который час?» – подумалось спросонок. Как и во сне, донимало под правой лопаткой. Рука его потянулась к спине, чтобы почесать докучливое место, но неожиданно наткнулась на плотную повязку из бинтов. Тогда он сделал попытку вытянуть из-под себя вторую руку, онемевшую от неудобной позы, но обнаружил, что она вообще привязана к раме кровати.

Это непредвиденное и совершенно неприятное обстоятельство заставило его открыть глаза, но и здесь его постигла неудача – вместо спальни в собственной квартире он обнаружил больничную палату, стойку капельницы возле себя и закрепленную пластырем иглу в руке.

– Наташа, – все ещё не доверяя своим глазам, позвал шёпотом. Подождал немного – никакой реакции в ответ. Тогда собрался с силами и повторил уже громче:

– Наташенька, ты где?

– Батюшки родные, неужель в себя пришёл? А я и не заметила...

Довольно молодая незнакомая женщина, неприметно сидящая в уголке, откладывает в сторону вязание, привычно поправляет причёску, машинально проводит рукой под носом и совсем по-домашнему спрашивает:

– Как вы себя чувствуете, дорогой? Больше не уснёте?

Увидев его удивлённый взгляд, спокойно объясняет:

– Да вы тут здоровски спите, я вам скажу. Уже несколько дней спите, пора бы и просыпаться...

Богдан все ещё не теряет надежды, что Наталья где-то рядом, но звать её в присутствии незнакомки не решается, а та вспоминает вдруг что-то важное, чисто по-женски хлопает в ладоши и легко поднимается со своего наместа.

– Ох, что же я с вами-то попусту болтаю? До-ок-то-ор! – произносит она протяжно-напевно, открывая дверь в коридор. – До-ок-то-ор! Этот, с осколочными, в себя пришёл... Ой! Извините, что я так про вас, Богдан, это нечаянно получилось, честное слово, нечаянно...

Женщина смущенно краснеет, а из коридора слышатся уверенные мужские шаги. Ещё через несколько мгновений в комнату входит незнакомый молодой человек в шуршащем белом халате. «Ты гляди, франтоватый какой!» – отмечает Богдан одобрительно. Наталья тоже имела привычку крахмалить свои халаты, да так, что они, кажется, хрустели при ходьбе, а ещё до того наглаживала, что даже в конце рабочего дня одежда её выглядела ничуть не хуже, чем утром – была такой же свежей и опрятной.

– Ну, наконец! С возвращением! – протягивает доктор руку, чтобы измерить пульс. – Знаете, в моей практике впервые такое.

Он ощупывает Богдану спину, прижимает что-то, дергает, осторожно постукивает, постоянно спрашивая:

– Беспокоит? Нет? А вот здесь? А здесь? И здесь не болит?

Получив в очередной раз отрицательный ответ, он в недоумении качает головой:

– Хм-м... Странно... Нет, не странно, что не беспокоит, странно, что при этом вы более трёх суток в себя прийти не могли. Главное, ни позвоночник, ни другие жизненно важные органы не задеты, а реакция организма на ранение... Да, реакцию вашего организма на ранение объяснить невозможно.

Врач ещё раз возвращается к ноющей после осмотра ране, внимательно изучает её, на этот раз едва прикасаясь, и снова остаётся недовольный собой.

– Видите ли, больной, осколочные ранения мягких тканей, даже множественные, как в вашем случае, ещё не повод, чтобы так надолго отключиться. И это не действие наркоза, нет, и не кома, и не потеря сознания... Вы... Извините, не боюсь показаться глупым, но вы как бы из времени выпали, понимаете?

Молодой человек молча хмурит брови, пожимает плечами, а потом, будто вспомнив что-то, с нескрываемой надеждой спрашивает:

– А голова? Вам голова, случайно, не болит? Нет? Может, ударились где, ушиблись ненааркомом? Или вас ударили, по голове? И снова нет? Ну, тогда я вообще ничего не понимаю. Ничего не могу понять. Правда, контузии не исключаю, хотя, опять-таки, и уши в порядке, и слух...

Доктор уходит, по ходу разочарованно сокрушаясь, что не может разобраться в возникшей ситуации. Женщина и себе возвращается на место, берет в руки незаконченный свитер, прикладывает к себе, словно примеряя, после чего решительно прячет в корзинку.

– Вот и славно, что на поправку идёте, ещё немного и – домой. А я тут вроде сиделки устроилась – пришла однажды спросить, чем могу помочь, меня и определили – то там посижу, то в другом месте, где больше нужна. Лежачих кормлю, судно ставлю, с этим поговорю, того выслушаю. Казалось бы, ничего сложного не делаю, но человека для другой, более важной, работы освободила. Сейчас вот к вам приставили. Вы не переживайте – не глазливая я, те, что у меня до вас были, своими ногами из больницы ушли. Меня Любой зовут, если что... Вы обращайтесь, не стесняйтесь... Я и по врача сбегаю... и воды подам... и судно...

Слова Любы струились легко и ненавязчиво, будто течение реки, успокаивали и убаюкивали, и Богдан уже не знал, во сне или наяву к нему ещё раз приходил доктор, потом – Наталия. Она и раньше приходила, поэтому он не удивлялся, правда, на этот раз остались в памяти совершенно приземлённые слова: «Устраивайтесь, дела свои решайте, а снимем повязки, если не передумаете – на работу выходите».

А ещё он помнил, как что-то мокрое капало ему на лицо и стекало за воротник. Провёл рукою по щеке – сухо, пощупал чуть ниже, пижаму, и обнаружил, что она влажная. «Возможно, вспотел, – боялся верить в лучшее, чтобы потом не сильно огорчаться и сожалеть. – Или перевязку делали, рану обрабатывали». Но перед глазами стояло лицо Натальи – ясное и спокойное, живое, не из сна.

Огляделся в поисках помощи, но, как на зло, и Любы почему-то рядом не оказалось. Вспомнил про специально оставленную сиделкой ложку, ударил ею по кровати, потом ещё и ещё...

«Богдан! Богдан!» – донеслось еле слышное.

Да, это была она, Наталия, только почему она в белом больничном халате? Неужели после смены так торопилась домой, что в больнице не успела переодеться? Или не захотела?

И снова что-то мокрое капало ему на лицо и стекало за воротник, но на этот раз он точно знал, что это были слезы жены.

– ...Богдан, как вы себя чувствуете? Наверное, вам кошмары снились – во сне вы пытались встать, куда-то срывались бежать, звали какую-то Наталью... Нельзя вам ещё подниматься, да и капельница стоит, далеко не пустит.

В словах Любы не слышно фальши, значит, это снова был сон, очередное видение, его надежда на встречу.

Неожиданно в коридоре раздаются голоса, дверь распахивается, и в палату мягко въезжает каталка. На ней – мужчина с немного странным, будто промерзшим взглядом. Он осторожно оглядывает комнату, словно изучает её, и тут же, выделив из общей массы главное, останавливается глазами на Богдане.

– А вот вам и компаньон, чтобы не скучали!

Доктор помогает санитаркам переложить больного на кровать, тщательно укладывает его перебинтованную ногу, привычно меряет пульс.

– Вдвоём веселее!

После ухода персонала новенький ещё некоторое время осторожно рассматривает Богдана, будто оценивает его на предмет вероятной опасности, потом перекрещивает руки на груди, устремляет свои озябшие глаза в потолок и, не проронив ни звука, застывает.

«О, как весело! Веселее не бывает!»

Немного выждав и отбросив в сторону условности, Богдан и себе внимательно прощупывает соседа по палате, справедливо полагая, что первое впечатление – самое верное.

Итак, мужик как мужик – не старый вроде, но и не молодой, правда, сильно изношенный, уставший, даже навскидку заметны следы от шлеи, да и по рукам видно, что работяга – тускло-серые изгрызенные ногти на куцых сильных пальцах, с траурной каемкой вокруг и под, сроду-веку маникюров не знали, а сами руки, судя по всему, с недавних пор ещё и мылись крайне редко. Обветренное лицо в густой седой щетине, примятой с видимой Богдану стороны. Впалые щеки, обтянутые сухой кожей острые скулы...

– Чего зенки вылупил, не нравлюсь?

Человек на соседней койке все ещё не двигается, но слова звучат, на удивление, твёрдо – от былой затравленности и следа не осталось.

Все так же не поворачивая головы, он спрашивает:

– Ты чей такой будешь?

Не получив ответа, терпеливо, вроде несмышлёнышу, объясняет:

– С чьей стороны, спрашиваю, будешь?

Богдан все ещё не спешит отвечать, так как не понимает, какое это имеет значение.

– Ты меня понимаешь? Откуда ты, а? С Донецка? – мужчина уже более настойчив – он поворачивает голову лицом к Богдану, вопросительно заглядывает ему в глаза. – Нет? Со Львова?

Полученный ответ его полностью удовлетворяет, и уже не таясь, он облегченно вздыхает и заметно оживляется.

– Аа-а! Свой, значит, так бы сразу и говорил. То-то меня к тебе в напарники определили. И я оттуда.

Внезапное появление Любы возвращает соседа к его прежнему состоянию. На тележке сиделки – тарелки с обедом.

– Ну, как вы, пообщались немного, познакомились? Понимаю, что место для знакомства не лучшее, а причина встречи – и подавно, но что поделаешь, если такое случилось? А я к себе заглянула, немного перекусила, теперь вот вам покушать принесла, сейчас кормить стану.

Женщина по-домашнему раскладывает салфетки, достает завёрнутые в вафельное полотенце ложки-вилки и обращается к недавно прибывшему:

– Вы как, Иван, сами будете кушать, или вас покормить?

Вместо ответа больной зашевелился, делая попытку привстать, но тут же жалобно, как-то по-детски обиженно, скривился, что-то невнятно забормотал, и обессилено вернулся в лежачее положение.

– Хорошо, хорошо, только не двигайтесь! – тут же бросилась к нему на помощь Люба, засуетилась, будто насадка вокруг потомства, захлопотала. – Лежите спокойно, не поднимайтесь, если болит... Нельзя! Я сейчас... Я сама...

Женщина удобно укладывает Ивана, заботливо приподнимает его голову, приспособив под неё сложенную вдвое подушку.

– Вы извините, Богдан, я вас немного позже покормлю, ладно? Видите, человек сам не может, ему болит... – извиняется Люба, опуская вниз виноватый взгляд.

– Да я и сам управлюсь, мне не трудно, вы только тарелки поближе поставьте, чтобы сподручнее было. Ну, и приборы, конечно, – принимает он условия игры, с удивлением наблюдая за фантастическим перевоплощением своего нового соседа в немощного инвалида, не способного без посторонней помощи даже дышать.

Но это был ещё не конец, это была только прелюдия большого представления, главным героем которого, и режиссёром одновременно, являлся Иван. Богдану традиционно отводилась роль благодарного зрителя.

Шоу продолжалось до самого вечера, поговорить удалось лишь после того, как Люба, вымотанная за день, ушла домой, а до этого Богдан с неподдельным интересом созерцал, как его невольный напарник лежит, развалившись на кровати, а вокруг него суетится сиделка. Правда, во время ужина, при виде скорбно открывающегося для приема пищи рта Ивана, Богдан еле сдержался, чтобы не захохотать вслух.

После ухода женщины с соседом случилось чудесное исцеление. На ноги, правда, он не встал – по случаю ранения, но метаморфозы были на лицо – мужчина снова стал самим собой.

– Думаешь, мне не противно? – не дожидаясь осуждения, обратился он к Богдану уже своим нормальным голосом. – Противно, конечно, но так надо. Понимаешь, у меня времени в обрез. Мне себя нужно беречь, силами запасаться. Уходить мне отсюда нужно, пока цел. Со здорового – спрос, да ещё какой, а слабому – простительно, слабого не тронут, пожалеют, на это мой расчёт.

Иван уставился в окно, будто стремился заглянуть в тревожную темноту ночи.

– Знаешь, как я здесь оказался? Врагу не пожелаю.

И после короткого молчания снисходительно:

– Расскажу – все равно не поверишь. Давай спать. Спокойной ночи тебе. Нам обоим.

Следующее утро началось с неожиданностей. Уже с первого взгляда Богдан заметил, что их добровольная помощница выглядит иначе, не так, как вчера – более нарядно, что ли, более празднично. Потом он уловил едва заметный запах парфюма – практически невесомый, еле-еле заметный запах, но он – этот запах, присутствовал, и это было главным. А ещё через мгновение у него вообще от удивления челюсть отвисла.

– Здравствуйте, ребята! Как ваше самочувствие, Ваня? А вы как себя чувствуете, Богдан? – на одном дыхании выпалила Люба и зарделась, как барышня на выданье. – Ой, чего же я стою? Мне же завтрак получать! Проголодались, поди, за ночь, кушать хотите? Так я побежала!

Сдавленный стон сквозь стиснутые зубы и сжатые кулаки соседа показали, что такой поворот в своём сценарии Иван не предусматривал. Завтрак, а за ним обязательные процедуры немного разрушили ситуацию. Закончив с делами, сиделка устроилась поудобнее, взяла в руки вязание.

–...Да разве кто знал, что такое случится? О том, что Славянск обстреляли, мы по телевизору узнали, из новостей – бомбили в четыре утра. Не верилось сперва – не враги мы, да и они вроде не фашисты, но – в четыре утра... Господи, в четыре утра! А потом... потом ночью – трассёры, как молнии, через всё небо, вслед за ними – бабах!, смотришь, уже горит, костром полыхает – у людей горе-беда. А дальше убитые пошли, обожженные, раненые. Страшно стало. Правда, страшно больше за детей, чем за себя.

Богдан сначала даже не заметил, когда Люба начала говорить, но то, что услышал, нестерпимо мучительной болью ударило в самое сердце.

– Мы на Куйбышевском живём, в посёлке. Раньше думали, что хорошо устроились: с одной стороны – аэропорт, дети там работают, с другой – ждэвокзал, транспортная развязка,

а как стрелять начали, так по нам первым. Однажды сын на работу ушёл, через час вернулся. «В аэропорту засели укры», – говорит. Оказывается, они с оружием там сидели, видимо, самолётами прибыли, ночью – мы к шуму такому привыкли, не замечаем, а там уже бои. Внутри бои... Что с людьми случилось, которые в ночную смену работали, до сих пор не знаем – были люди и... не стало, связи нет, нет информации. А ещё через пару дней – вертолёт, обстрелы, война. Уже не в новостях, не по телевизору, а дома у нас война.

Богдан попытался представить, что чувствуют люди, на которых падают бомбы и снаряды, но это не помещалось в голове.

– У сына пацан только родился, жена ещё сырая, а куда деваться? Куда деваться, раз война?

В поисках ответа женщина посмотрела сначала на Богдана, потом перевела взгляд на Ивана. Богдан видел, как тот заерзал, напрягся, будто взведённая пружина, как у него на скулах заиграли желваки.

– В соседний дом снаряд тогда же, в первый день угодил, а наш стоит, живой пока...

«Пока...»

– Но дом живой, а жить в нем нельзя, понимаете? Как жить, если каждую минуту может прилететь, и уже не важно, с какой стороны, главное, по твою душу. И никто от этого не застрахован, а тут ещё дитя.

«Действительно, неужели погибшему не все равно, чей снаряд его убил? А вот живым нужно знать, кто создал ситуацию, в которой гибнут люди».

Женщина откашлялась и продолжила:

– Как начали стрелять, сын в тот же день своих в машину и – в Бердянск, к родителям невестки. Оказалось, и там беспокойно – море рядом, люди в неведении, что будет завтра. Да что там завтра – сегодня к вечеру. Два дня так просидели, не распаковываясь, а дальше рассудили, как бы не получилось из огня, да в полымя, решили в Россию ехать, просить убежища. Катя с Мишкой там остались, а сын домой вернулся, в ополчение ушёл – ему работу нужно возвращать, аэропорт. Ну, а я здесь, при больнице. Мужа в шахте в девяносто седьмом присыпало, с тех пор одна. Дом отцовский неподалёку стоит, но одной страшно, мало ли что... Так я поближе к людям.

И снова слова Любы текли легко и плавно, будто течение реки, но на этот раз на душе оставался тяжёлый осадок, смесь вины и греха, и ещё чего-то необъяснимого, но в одинаковой мере тягостного и неловкого, такого, что было совестно поднимать на неё глаза.

Наутро Люба не пришла. Не было её и в обед. На тумбочке сиротливо лежал недосвязанный свитер и сумка со спицами и клубками разноцветной пряжи, а у входа тосковали забытые вчера домашние женские туфли.

Разговор не шёл. За целый день они не обменялись и десятком слов. Просто тупо лежали, всякий раз испуганно вздрагивая и обеспокоено поворачивая взор к дверям, когда слышали приближающиеся шаги, чтобы затем так же дружно отвернуться, сделав вид, что их ничего не интересует, если в палату входил кто-то другой, или вообще проходили мимо.

После полудня встревоженный Иван, уже не стеснясь, озабоченно смотрел на часы, стрелки которых неумолимо приближали вечер. И, наконец, когда их терпение достигло предела, а сердце заполнили отчаяние и боль, дверь бесшумно отворилась, милостиво впуская в палату сначала большой свёрток, а за ним и саму Любу с извиняющейся улыбкой на лице.

– А я немного задержалась, здравствуйте! Домой ходила, на квартиру. Убралась там немного, одежду кой-какую взяла, другие вещи, в хозяйстве необходимые, а ещё...

Она поставила кулёк на стульчик, и, будто волшебник, выудила из него небольшой телевизор, размером чуть побольше автомобильного.

– Теперь по вечерам не будете скучать – и новости можно посмотреть, и фильм, и ещё что-нибудь интересное. Мне он в квартире ни к чему – даром пропадает, сын тоже не часто

зажигает, а так хоть польза какая-то. Экран, правда, маленький, зато звук хороший. Я и тройник взяла, и переноску. Антенна вот здесь, наверху, стационарная. Большого количества программ не обещаю, но стандартные стабильно берет. С доктором я обо всем договорилась, он разрешил. Думаю, сюда, на холодильник, можно поставить – и мешать не будет, и с обеих коек видно, – приговаривала Люба, ставя телевизор на выделенное ему место и подключая к электросети.

На экране снежило, но женщина не расстроилась – принялась крутить настройки, подбирая действующие каналы. Её работу прервал телефонный звонок.

– Ольга, – разочарованно сообщила она, взглянув на номер, и ворчливо пояснила. – Соседка моя. И чего ей неймётся, на ночь глядя? Сегодня только виделись, всего какой-то час назад. И что за это время у человека могло случиться, что обязательно нужно звонить? Неужели до завтра нельзя было подождать? Наверное, опять что-то старое вспомнила и решила рассказать, чтобы до утра случайно не забыть. Записывала бы, что ли... Нужно подсказать, непременно нужно подсказать, чтобы записывала.

По расстроенному лицу женщины было понятно, что Люба ждала известий, но, скорее всего, от другого человека, возможно, от детей. Все ещё делая вид, что дуется, она поднесла к уху телефон и уже открыла рот, чтобы ответить, как внезапно стала блее полотно. Выслушав собеседницу, она аккуратно, будто живой, отключила мобильный, медленно спрятала его в карман, трясущимися руками зачем-то поправила и без того безупречную причёску, потом бессильно опустила на стул:

– Ну вот, этого и следовало ожидать – дома больше нет. Ольга говорит – снаряд лёг точно по центру. Хорошо, что сегодня сходила, убралась. И телевизор взяла. И Катя с Мишкой... И...

Глаза её заблестели, стали квадратно-горькими, но женщина не заплакала, только выше голову подняла, словно пыталась слезы удержать, и подчёркнуто безучастно произнесла:

– Извините. Я выйду ненадолго.

В оставшейся тишине было слышно, как где-то далеко гремит гром, или, вполне вероятно, не гром, а разрывы снарядов, один из которых только-что разрушил Любин дом.

– Она сильная. Такие на людях не плачут.

Давно уже Богдан не чувствовал себя более отвратительно и гадко, чем сейчас. Только глупый человек мог отрицать свою причастность, пусть даже косвенную, к тому, что случилось с домом Любы. Ночью он долго не мог заснуть – лежал, слушая, как ворочается у себя в кровати сосед, с ужасом представляя, что снаряд мог «лечь точно по центру», когда там находилась сама женщина, или её дети – Катя с Мишкой, или Любин сын. Потом вспомнил девочек, Наталью, а ещё – свою несостоявшуюся службу.

Казалось бы, начиналось все, как у людей – повестка из военкомата, сборы, направление в часть, и даже дорога на фронт. А дальше что-то пошло не так, мало того, не успев ни дня повоевать, он умудрился получить два не легких ранения, что само по себе заставляло задуматься...

– Вот тебе и «восточный фронт», вот тебе и война, вот тебе и победа, – будто прочитав его мысли, подытожил раздосадованный Иван.

– Непонятно только, кто здесь «свои», а кто – «чужие», в одной стране ведь живём. По всему получается, что кто-то кому-то лапшу на уши вешает, к тому же, делает это очень тщательно и расчётливо. Не надо далеко ходить, по себе скажу, посуды.

Молчание, наступившее после этих слов, свидетельствовало, что к своим соображениям сосед хотел привлечь особое внимание.

– Здесь я – убийца, враг по определению, и никто не спросит – стрелял или не стрелял, убивал или не убивал. Я был здесь – и этого достаточно.

Глубокий вздох, и продолжение:

– А там я, Богдан, дезертир. Да, да, дезертир, хотя свои же раненого на поле боя бросили. И это – все! Больше ничего не надо! Как не в лоб, так по лбу, но все равно виноват – если не с одной, то с другой стороны отвечать придётся, выбора нет, понимаешь? Замкнутый круг получается! Обложили, как бешеную собаку, со всех сторон.

В темноте было слышно, как Иван что-то бормочет, про себя возмущаясь, потом снова глубоко вздыхает, будто определяя границы откровения, после чего, наконец, собирается с духом.

– Я ведь здесь не по доброй воле.

Затяжная пауза, последовавшая за первым предложением, предполагала, что Богдан на эти слова непременно отреагирует, и от его реакции будет зависеть направление дальнейшего разговора, но ожидания Ивана не оправдались, и он снова заговорил.

– Думал, дома отсижусь. Оно мне надо – в моем-то возрасте, да ещё при таком-то здоровье? Я даже в молодости срочную не служил – по «белому билету» списали. В училище пошёл – сначала на штукатура-маляра, потом – на слесаря. А там – женился, дочь родилась. Дом свой практически сам поднял, с фундамента. Ещё один тесть вывести помог.

Мужчина даже оживился немного, повеселел, вспоминая, как в молодости становился на ноги.

– Сделали что-то типа базы туристической – кровати двухэтажные соорудили, кухню со столовой оборудовали, генератор на дизтопливе поставили, баньку... От нас до Говерлы – рукой подать, турист и зимой, и летом в наличии – желающих посмотреть на мир с вершины Карпат всегда хватает, некоторые пару раз в году бывают, привыкают, с детьми приезжают, с внуками. К тому же, в часе езды – источники минеральные, пещеры карстовые, озера соляные, церкви деревянные... Не помню, век какой, но знаю точно, что церкви очень старые. Вот тут-то мы со своими удобствами и подсуетились. Туристам хорошо, и нам не плохо – все довольны, однако. Эх, жизнь была! Работы невпроворот, спать некогда, а душа радуется! – вздохнул Иван с сожалением.

– Знаешь, к нам целыми группами приезжали – из институтов студенты, из техникумов, просто организации – взрослые, солидные люди, и никто не обижался – за чистую постель и прочие условия платили рубль. За сутки – один рубль, понимаешь?

«Тогда это деньги были», – вспомнил Богдан цены, которые девочкам приводил в пример: билет на городской автобус – пять копеек, на троллейбус – четыре копейки, на трамвай – вообще три, а сладкоежку Ксюшеньку ещё и стоимостью мороженого дразнил: в вафельном стаканчике – тринадцать, а пломбир – девятнадцать копеек за сто процентов натурального счастья. Действительно, что там говорить – рубль авторитет имел.

– ...И только в колею попал, как тут тебе Майдан, первый. За ним – кризис экономический. Народа резко поубавилось, пришлось стоянку прикрывать, а сейчас и вовсе другой бизнес в ходу – ритуальный, не туристический.

Кровать тяжело заскрипела. Иван вцепился за прутья изголовья, подтянулся на руках и сел.

– А потом жена умерла, вторыми родами. После этого я с Богом и рассорился. Притом так разругаться умудрился, что в реанимации очутился – во время очередного запоя в драку полез, правую руку еле спасли – в ключице наизнанку вывернули, до сих пор маюсь. Хорошо, я леворукий – одно это и спасает. Оклемався, отлежался, вернулся из больницы, а дочка дома нема – у тёщи живёт. Еле вымолил у неё тогда прощения. Теперь вот выросла, красавица – вся в мать, своих уже двое. Обе – девочки, – просветлел Иван лицом, рассказывая о внуках.

– А как началась заваруха, зятю повестку из военкомата принесли. И куда ему, спроси? Кто семью кормить станет? Мы его в поезд и... в Россию, на заработки. Подальше от беды. Я из-за этого с начальством поселковым полаялся. Наши, местные, на такое сквозь пальцы смотрят – уехал человек, да и уехал, значит, надо, а этот приезжим оказался, чужим – взелся

так, что мочи нету. Загреб меня вместо зятя, получается, ничего, что инвалид, – показал он выше локтя покалеченную правую руку. – Теперь вот по его воле ещё и колченогим стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.